

И.Н.Косиченко

Майяские волонтеры на службе Национальной гвардии Юкатана (1847—1851 гг.)

Война каст на Юкатане (1847—1901 гг.) зачастую воспринимается в историографии как расовая или этническая война между «белыми» и «индейцами майя». Однако под слоем историографического или газетного бинарного дискурса наблюдается гораздо более сложная этническая картина комплектации правительственных вооруженных сил. Цель данной статьи — определить причины участия индейцев майя в войне в рядах правительственных войск и характер восприятия этого феномена «белым» юкатанским обществом в наиболее острый период войны.

Ключевые слова: Мексика, Юкатан, майя, Война каст, военная история, идентичность.

DOI: 10.31857/S0044748X25020078

Статья поступила в редакцию 25.07.2024.

ЭТНИЧЕСКИЙ ТУМАН ВОЙНЫ

В Войне каст на Юкатане (1847—1901 гг.) обе стороны конфликта идентифицировали себя весьма четко. На одной стороне находились «мексиканцы», или «юкатеки» — представители либерального государства XIX в., — стремившиеся насадить свою модель развития, модель аграрного капитализма. Они считали себя и публично об этом заявляли представителями белой расы и носителями цивилизации. На другой стороне были повстанцы — индейцы, майя, крестьяне, варвары, т.е. та часть населения полуострова Юкатан, которая на протяжении полувека вела борьбу за авто-

Иван Никитович Косиченко — кандидат исторических наук, доцент УН Месоамериканского центра им. Ю.В.Кнорозова ИФ ИАИ РГГУ (РФ, 125993 Москва, Миусская пл., 6, ORCID: 0000-0002-2404-306X, kosichenko.i@rggu.ru).

Публикация подготовлена в рамках Госзадания Минобрнауки России РГГУ, проект N075-00870-23-00 «Историческая динамика традиционных культур в переходные эпохи: этносемиотические особенности перехода и механизмы передачи знаний».

номию и сохранение традиционного образа жизни в тропических лесах нынешнего штата Кинтана-Роо. Одним словом, перед читателем предстает война между белыми и индейцами, отраженная в классических трудах по Войне каст. Таковы работы С.Бакейро [1], Э.Анконы [2], Р.Берсунсы [3], М.А.Бартоломе [4], Н.Рида [5] и др. Кровавые преступления против мирного населения и пленных, совершенные обеими сторонами в первые годы войны, лишь укрепили этот дуальный образ, созданный в общественном сознании.

Начало войны пришлось на конец 1840-х — начало 1850-х годов — переломную эпоху в юкатанской истории. В этот момент стали набирать силу глубокие экономические трансформации, выразившиеся в переходе от преимущественно натурального хозяйства к аграрному капитализму, что повлекло серьезные последствия для общин майя, которые столкнулись с угрозой своему традиционному образу жизни и способу хозяйствования в лице масштабной политики приватизации «залежных земель». В таком контексте Война каст предстает как попытка воспрепятствовать избранному юкатанским правительством пути развития и обеспечить майя процветание, где они могли бы сохранить свои традиции.

Однако, упоминая «майя», необходимо иметь в виду, что, описывая тот исторический период, невозможно говорить о наличии сплоченной и единой группы, у которой можно было бы выявить национальную идентичность, группе, имеющей четкое представление о «своих» и «чужих», что ясно показано в ранних работах В.Габберта [6, pp. 93-94]. В связи с этим даже на этапе самого острого этносоциального конфликта, разразившегося на Юкатане в июле 1847 г., обнаруживается широкий спектр интересов и идентичностей, спектр гораздо более сложный и изменчивый, нежели однозначная «война на уничтожение, война против белой расы», реляции о которой юкатанское правительство бесконечно отправляло в Мехико, на Кубу и в США, или «национально-освободительная борьба майя против векового угнетения».

Тематика участия индейцев в военных конфликтах на стороне испанцев и их наследников до недавнего времени оставалась довольно маргинальной и «повисала» в вечной борьбе апологетических традиций. Однако за последние 20 лет были опубликованы исследования, посвященные военной службе маргинализированных социально-этнических групп как в вице-королевстве Новая Испания, так и в независимой Мексике. Большое внимание теперь уделяется роли индейских союзников в конкисте Месоамерики и их положению в последующие три века испанского господства [7]. Появились научные работы, авторы которых рассматривают службу африканцев и их потомков в королевской армии [8]. Тем не менее применительно к Войне каст тема службы майя в линейных подразделениях остается малоизученной: исследователей по-прежнему привлекают политики повстанцев, в то время как майя, сохранившие верность юкатанскому правительству или даже взявшие оружие для его защиты, находятся у историографии «в опале». К настоящему времени существует лишь одно исследование, где затрагивается вопрос службы майя в правительственной армии, однако его автор сконцентрирован на статистических документах, относящихся к периоду после 1850 г. [9, pp. 95-103]. Проблема службы индейцев

Казервуд Ф. Голова Ицам-На. Исамель, Юкатан, 1844 г.

мая в линейных подразделениях Национальной гвардии Юкатана в первые годы Войны каст будет освещена впервые.

С самого начала войны были сформированы этнические подразделения майя, воевавшие на стороне правительства, — *secciones de hidalgos*, выполнявшие хозяйственные и вспомогательные функции. Однако интересным представляется то, что майя участвуют в войне и в составе линейных частей юкатанских вооруженных сил. Таким образом, целью данной статьи является выявление особенностей участия индейцев майя в Войне каст на Юкатане в рядах боевых подразделений вооруженных сил штата — Национальной гвардии. Хронологические рамки ограничены начальным и самым острым этапом конфликта: с 30 июля 1847, когда начинается восстание, до лета 1851 г., когда в соответствии с реформой Национальной гвардии, проведенной генералом Ромуло Диасом де ла Вегой, система тотальной мобилизации, существовавшая с начала войны, перестает действовать.

Для достижения цели, поставленной в данном исследовании, необходимо рассмотреть два ключевых вопроса: каков был правовой статус майя, защищавших юкатанские власти с оружием в руках, и как воспринималось юкатанским обществом и самими майя участие индейцев в «расовой войне» против «индейских варваров». Значимость первого вопроса объясняется позицией, занятой юкатанским правительством с первых дней войны, — полный запрет индейскому населению штата владеть оружием, проходить военную подготовку и нести службу в вооруженных силах. Второй

вопрос важен для понимания того, как в рассматриваемый период уживались представления о войне между «варварством и цивилизацией», «индейцами и белыми» и соответствующее недоверие ко всем представителям народа майя, и факт службы индейцев в рядах вооруженных сил, и то, как к этому относились сами майяские гвардейцы.

Источники, использованные в данной статье, делятся на три основных группы: юкатанское законодательство рассматриваемого периода; юкатанская периодическая печать; архивные документы. Последняя группа, основной массив которой составляют прошения о демобилизации майских гвардейцев, обуславливает новизну исследования: данные источники вводятся в научный оборот впервые.

Анализ источникового материала поставил проблему определения теоретико-методологической базы. Главный вопрос: как отличить индейца от неиндейца при анализе текста? Наиболее логичным подходом к решению этого вопроса представляется подход, предложенный Д.Е.Дюмоном: самым надежным маркером принадлежности к юридической группе «индейцев» является майяская фамилия, что подтверждается анализом налоговой документации [10, р. 67]. Исходя из этого утверждения, в ходе анализа текста можно выявить основные тезисы, понятия и хронологические рамки, используемые в актовых документах, периодической печати и делопроизводственных документах самими майя и по отношению к ним. Для определения мотивов, побудивших майя встать на защиту правительства, предлагается применить к документальному материалу концепцию *identerest* (неологизм от «идентичность» и «интересы»), разработанную военным антропологом Б.Фергюсоном для выявления причин участия в военных конфликтах донациональных социально-этнических групп [11, pp. 42-43]. Согласно данной концепции, индивид более склонен защищать свои материальные интересы в привязке к семейной и региональной группе, нежели следовать более абстрактным идеологическим моделям (в случае Войны каст, например, поддержать восстание на основе предполагаемой со стороны этнокультурной общности майя).

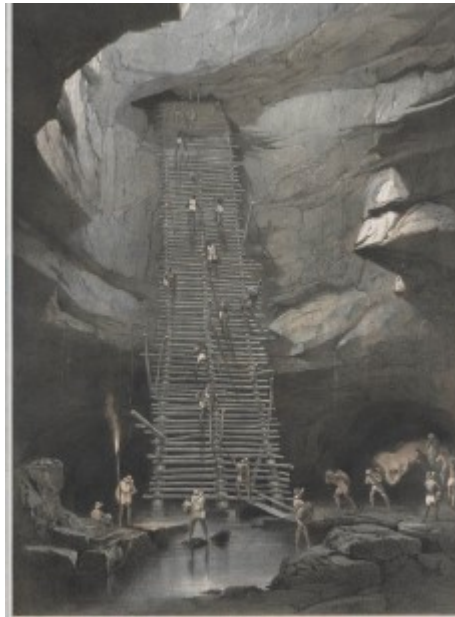
ВОИНСКАЯ (НЕ)ОБЯЗАННОСТЬ ИНДЕЙЦА И ЮКАТАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Сборники юкатанского законодательства являются основным источником для понимания динамики решений правительства, касающихся мобилизации индейцев майя в ряды правительственных войск. 27 августа 1847 г., через месяц после восстания в Тепиче, исполняющий обязанности губернатора Доминго Баррет издал закон, озаглавленный «О восстановлении и упорядочении старых законов о режиме индейцев» [12, pp. 146-147]. Закон отзывал гражданские права, которыми индейцы пользовались согласно Конституции штата Юкатан 1841 г. Среди прочих интерес представляет ст. 7, согласно которой вводился однозначный запрет на службу индейцев в вооруженных силах, запрет на их мобилизацию в ряды регулярных частей и подразделений ополчения. Индейцам также запрещалось проходить какую-либо военную подготовку.

Декрет губернатора Сантьяго Мендеса от 26 января 1848 г. [12, pp. 181-182], однако, признал существование «индейцев, добровольно поддерживающих наши войска с оружием в руках», и назначал им довольствие в соответствии с воинским званием, а также обещал им титул идальго со всеми налоговыми привилегиями в случае, если они останутся со своими соединениями до конца войны. В тот момент никто не мог предположить, что она продлится более 50 лет... Однако упомянутый декрет никоим образом не подразумевал принудительной мобилизации, напротив, пример индейских добровольцев должен был «вдохновить остальных представителей этого класса». Декрет 7 февраля того же года [12, pp. 187-188], ознаменовавший начало тотальной мобилизации юкатанских граждан, также освобождал индейцев от принудительного призыва на военную службу.

5 сентября 1848 г. декрет нового губернатора Мигеля Барбачано о временном порядке организации местного ополчения, привел к юридической коллизии [12, p. 224]. В документе подразумевались вступление в силу на территории штата Органического закона о национальной гвардии, оглашенного президентом Мексики 15 июля 1848 г., и соответствующая реорганизация юкатанского ополчения. Указанный закон, применительно к Юкатану, содержал юридическую лакуну, поскольку в нем не уточнялся статус индейского населения: числиться в резерве Национальной гвардии были обязаны «все мексиканцы, годные к военной службе» [13, p. 3]. Еще одна лакуна возникла в связи с декретом 10 октября того же года [12, p. 236], первая статья которого гласила: «все, вернувшиеся в места своего проживания... обязаны служить как солдаты местного ополчения, или же по насущной необходимости, на усмотрение командиров...». Здесь снова нет никакого уточнения статуса индейского населения.

Декрет от 8 ноября 1849 г. «Новая организация местного ополчения под названием Национальной гвардии» [12, pp. 282-286] в ст. 11-й освобождал индейцев от службы. Однако ст. 22 наделяла правительство правом «приостановить действие одного или нескольких исключений, установленных статьей 11...». И действительно 12 ноября был издан уточняющий декрет [12, p. 287], который приостанавливал действие отдельных исключений, и среди них — исключение для индейцев, тем не менее, с уточнением, что исключение не распространяется на тех майя, которые находятся на действительной службе и должны служить до окончания войны.

Казервуд Ф. Сенот в Болончене. Юкатан, 1844 г.

16 сентября 1850 г. была провозглашена новая Конституция штата Юкатан [12, р. 378], создавшая формальную возможность принудительного призыва индейцев в Национальную гвардию. Согласно 5 ст. Конституции, среди прав гражданина упоминалось право числиться в Национальной гвардии. В 6 ст. уточнялось, что применительно к индейцам это право не распространяется на тех «индейцев, которые не умеют читать и писать». 27 февраля 1851 г. был опубликован новый декрет, обязывающий каждого юкатанского гражданина числиться в Национальной гвардии [14, р. 22]. На индейцев, согласно статье третьей, эта обязанность не распространялась, кроме того, они числились среди исключений в части 10 ст. 4, опять же, за исключением тех, что уже находились на действительной службе. Наконец, декрет от 1 апреля 1851 г. окончательно освободил индейцев от военной обязанности, включая тех, кто попал в ряды вооруженных сил до его принятия [14, р. 59].

Таким образом, юкатанское законодательство рассматриваемого периода позволяет выявить две основных тенденции. Первая предполагала отдалить индейское население от действительной службы, и вторая — расширить круг граждан, подлежащих мобилизации. Можно предположить, что юридические лакуны, теоретически позволявшие мобилизацию индейцев, несмотря на общий запрет, возникли из-за декретов от 5 сентября и 10 октября 1848 г., в особенности из-за последнего, который наделял командиров на местах правом мобилизовывать граждан в свои подразделения. Вероятно, что командиры, испытывавшие постоянный недостаток живой силы, могли прибегать к мобилизации индейцев, проживавших в муниципалитетах, отбитых у повстанцев.

«ИМЕЮ ЧЕСТЬ ПРИНАДЛЕЖАТЬ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ»: МАЙЯ И ЮКАТАНСКАЯ ПРЕССА

В юкатанской прессе рассматриваемого периода содержится весьма интересная информация, позволяющая понять не только то, как воспринимался факт принятия майя на военную службу, но и динамику актуальности этой проблемы на протяжении начального периода Войны каст. Прежде всего, следует отметить, что в целом образ индейца, сформированный юкатанскими средствами массовой информации, был преимущественно отрицательным. Если, например, *Boletín Oficial del Gobierno de Yucatán* ограничивался сообщениями о зверствах повстанцев, клеймя их действия как «варварство» и «дикость», то кампечанская газета *El Fénix*, одним из главных редакторов и ведущих авторов которой был знаменитый юкатанский юрист, дипломат и писатель Хусто Сьерра О'Рейли, развила целую теорию о неполноценности индейцев и искала ее обоснование в историческом опыте сосуществования различных этнических групп на полуострове. Однако данная проблема выходит за рамки статьи, а юкатанская пресса хорошо изучена [15].

Возвращаясь к основной теме, представляется возможным выявить определенную хронологическую и географическую динамику. Относительно первой занимателен тот факт, что вопрос набора индейцев в армию не стал предметом активной дискуссии среди журналистов. Не появляются

Казервуд Ф. Храм и пирамида Тулума. Юкатан, 1844 г.

на страницах газет и предполагаемые практики насильственной вербовки, вероятность которых была ранее выявлена на основании юкатанского законодательства. В то же время можно определить исторический момент, когда вступление индейцев в ряды правительственных войск приобрело наибольшее значение: это — весна и лето 1848 г., когда тотальная мобилизация неиндейского населения была в самом разгаре.

Большая часть газетных публикаций, посвященных рассматриваемой теме, появляется в указанный период, а именно в мае-июне. Впоследствии их число резко снижается, и индейцы в газетном дискурсе вновь занимают место варваров и врагов. Следует отметить единичный случай, когда авторы газетных статей транслируют собственное мнение по поводу призыва индейцев на военную службу. В конце 1847 г. журналисты *La Revista Yucateca* высказались о губительности привлечения индейцев к военному делу, ссылаясь на то, что именно участие в межпартийных войнах на Юкатане и отражении мексиканской интервенции в 1839—1847 гг. научило их военному делу, что они не замедлили использовать против «цивилизованного общества» [16].

В мае-июне 1848 г. вышла серия материалов об индейцах, стремившихся взять оружие для подавления восстания, написанных в позитивном ключе [17, р. 1]. Публикуются прошения, индивидуальные и коллективные, о разрешении вступить в ряды ополчения. В те месяцы еще не был подготовлен регламент по организации вспомогательных частей *индейцев-идальго*: подразделений, задействованных в продовольственном обеспечении, строительных работах, расчистке периметра гарнизонов и дорог от зарослей

и т.д., из чего можно сделать вывод о том, что речь шла о службе в рядах боевых подразделений. Помимо опубликованных прошений индейцев из крупных городов, в первую очередь Мерида, публиковались также новости о группах индейцев, часто с касиком во главе, которые приходили к командирам подразделений ополчения с просьбой зачислить их в свои ряды.

О способах вербовки, которые скрывались за отмеченными выше прошениями, к сожалению, ничего неизвестно. Авторы газетных статей квалифицировали эти действия как спонтанные проявления патриотизма и «любви к цивилизации» и сразу же публиковали ответы губернатора или государственного секретаря, принимавшие и приветствовавшие такие инициативы. Представляет интерес также тот дискурс, в котором газеты воспроизводят слова индейских добровольцев. Этот дискурс позволяет выявить представления, скрывавшиеся за этими «патриотическими порывами», а также мозаичность предполагаемой майяской идентичности в рассматриваемый период. Индейские добровольцы проводят четкое разделение между индейским населением крупных городов и «восточными», к которым они относятся как к кровожадным варварам, чьи дикарские привычки заставляют их продолжать жить «в сельве». К ним относятся как к позору, бросающему тень на всякого гражданина индейского происхождения. Некоторые из предполагаемых авторов даже пытались избавиться от своих индейских фамилий, как это произошло в случае Тибурсио Меша и его братьев или Себастьяна Эка [18, р. 1], просивших сменить их фамилии на испанские, предлагая фамилии своих родственников-метисов.

Что касается географического контекста, то здесь можно выделить два очага активности индейских добровольцев. Первым из них, что не удивительно, была столица штата — Мерида, — откуда происходит большинство опубликованных прошений. Авторы *Boletín Oficial del Gobierno de Yucatán* подсчитали, что к 27 мая 1848 г. в ряды ополчения вступили около 2 тыс. майя из индейских районов столицы [19, р. 2]. Если принять во внимание общую численность юкатанского ополчения на лето 1848 г. в 10-11 тыс. человек, которая известна благодаря официальному письму госсекретаря Юкатана федеральному правительству от 25 июля 1848 г. [20, f. 4], то получается, что доля индейских добровольцев из одной лишь Мерида весьма внушительная. Другим очагом был округ Кампече, где зафиксированы случаи более организованного добровольческого движения, например, индейское ополчение Хесельчакана под командованием касика Хуана Чи [21, р. 1], или сводный отряд индейцев из Калькини и Цитбальче, чьи командиры договорились с Хосе Каденасом, комендантом Кампече, об участии в подавлении восстания на востоке в рядах правительственных войск [22, р. 1].

RELACIONES DE MÉRITOS: ПРЯМАЯ РЕЧЬ МАЙЯСКОГО ГВАРДЕЙЦА

Кроме газетного дискурса есть третья группа источников, проливающих свет на особенности мотивации индейцев вступать в ряды правительственных войск. Среди документов из Генерального архива штата Юкатан часто

встречаются указы о назначении пенсий, прошения о временной или полной демобилизации, списки дезертиров, больных, убитых и т.д. Майяские фамилии постоянно встречаются в ситуациях, значительно отличающихся от привычного и признанного историографией их места во вспомогательных подразделениях идалго. Однако главной проблемой для систематического изучения присутствия майя в рядах ополчения и Национальной гвардии Юкатана является обрывочность, имеющая место вследствие плохой сохранности архивных фондов. Например, из-за хрупкости физического носителя практически полностью потеряны таблицы, содержащие информацию статистического характера.

Тем не менее определенные сведения можно извлечь из редко встречающихся списков мобилизованных. Например, отчет, представленный главнокомандующему штата Хосе Марией Гарсией, ответственным за набор личного состава в 14-й батальон национальной гвардии (округ Хесельчакан) от сентября 1849 г., содержит поименный список мобилизованных [23, f. s/n]; из них примерно четвертая часть носили майяские фамилии. 11 из 46 — из самого Хесельчакана, 11 из 39 в Калькини, 2 из 8 в Цитбальче. В округе встречаются поселения, в которых не был мобилизован ни один носитель майяской фамилии, — Бекаль и Тенабо. Другой пример — поименный список погибших уроженцев поселения Муна, служивших в 12-м батальоне гвардии. Из 25 семей 13, т.е. половина — майяские [24, f.s/n]. Эти сведения, хоть и отрывочные, позволяют предположить сохранение доли майя в общей численности личного состава, зафиксированной весной 1848 г.

Представляет интерес вопрос распределения майяских солдат по подразделениям. В документах генерального командования штата не прослеживается никакой тенденции ограничить географически или отрядить на выполнение определенных задач майяских бойцов. Индейские фамилии встречаются в списках всех родов войск: среди бойцов пехоты, включая гренадерские роты и регулярный батальон легкой пехоты, среди кавалеристов и артиллеристов. Содержание майяских солдат также не отличается от тех сумм, которые получали сослуживцы с испанскими фамилиями: платежные ведомости показывают, что всем начислялось равное жалование в соответствии со званием. Не наблюдается и склонности отдалить потенциально опасных майяских солдат от стратегически значимых мест, где они могли бы представлять угрозу. Так, майяские солдаты из 18-го (столичного) батальона несут гарнизонную службу в Мериде, в том числе на охране таких значимых государственных и военных объектов, как казначейство и комиссариат (военное ведомство материального обеспечения) штата [25, f. s/n].

Действительно бросается в глаза подчиненное положение солдат-майя в том, что касается званий. Абсолютное большинство майяских солдат служат рядовыми, периодически встречаются капралы, и лишь один раз за рассматриваемый период встречается сержант 2-й статьи Марсело де ла Крус Кех из столичного 1-го батальона [26, f. s/n]. Такая ситуация разительно отличается от подразделений идалго, где майя занимали командные посты вплоть до капитана второй статьи (капитаны первой статьи всегда носят испанские фамилии), что не удивительно в виду того, что отряды идалго изначально были этническими вспомогательными подразделениями [27, f. s/n].

Остается один из ключевых вопросов: почему индейцы майя вообще брались за оружие и участвовали в подавлении восстания, которое, на первый взгляд, носит характер освободительного индейского движения. Самым очевидным ответом представляется то, что они не разделяли стремлений своих восточных сородичей, поднявших восстание в июле 1847 г. Абсолютное большинство нарративов, встречающихся в прошениях майских солдат, приводит схожую дату зачисления на службу (почти всегда подчеркивается добровольность) — весна 1848 г., период, когда наступление повстанцев было наиболее успешным. Основная и переходящая из прошения в прошение причина вступления в ряды правительственных войск — «спонтанный энтузиазм борьбы с варварами, стремительно приближавшимися к нашим домам» [28, f. s/n]. Майские жители многих поселений, оказавшихся на пути наступления восставших, таких, как Сотута, Хухи, Муна, Яшкаба, Исамаль, Хопельчен и др., не говоря уже об индейских жителях столицы и ее окрестностей, откуда в юкатанское ополчение приходили наибольшее количество добровольцев, видели в восстании, возглавленном Хасинто Патом и Сесилио Чи, непосредственную угрозу своим домам, семьям и самой жизни. В качестве исторического анекдота можно привести случай, когда майя пошел добровольцем по совсем другим причинам: чтобы избавиться от статуса долговой прислуги. Так сделал Хосе Чан, слуга и должник Марии Хесус Эрреры, принятый добровольцем в 1-ю артиллерийскую бригаду. К несчастью для Чана, задолжавшего хозяйке 52 песо (весьма внушительная сумма для того времени), он был отстранен от службы и возвращен хозяйке после удовлетворения ее прошения и преодоления ряда бюрократических проволочек [29, f. s/n].

Представляется интересным, что многие не воспринимали восстание в Тепиче 30 июля 1847 г. как начало войны. Одно из прошений говорит о «войне, начавшейся в конце 1847 г.», т.е. уже во время осады Вальядолида повстанцами, когда катастрофические масштабы конфликта стали очевидны большинству населения полуострова. При этом многие прониклись вышеупомянутым «энтузиазмом», только когда увидели восставших у себя на пороге. Это действительно переломный момент, «когда родина действительно оказалась в опасности» [30, f. s/n], и даже индейцы посчитали себя обязанными «принести ей пользу». Майские солдаты подавали прошение в надежде на демобилизацию или на получение пенсии. Но в то же время они хотели показать адресату, что они ассоциируют себя с родиной, общей и для них, и для правительства, то, что они борются за то же дело, и в момент наибольшей опасности они подвергли риску свою жизнь и здоровье во имя защиты этого общего дела. Стоит еще раз подчеркнуть: «родина» для солдат-майя начинается в родных поселениях, но постепенно расширяется в ходе совместного преодоления трудностей и общих целей, на роту, батальон и, наконец, на государство, олицетворенное губернатором. В единичных случаях проситель унижается до сервильности и выражает «должную любовь, которую испытывает к воле белых господ» [31, f. s/n] апеллируя к понятиям, скорее, колониальной иерархии, нежели к достоинству вооруженного гражданина.

Можно предположить, что зачисление в ряды ополчения давало майя возможность смешаться с «цивилизованной» частью населения

полуострова и таким образом избавиться от социальной стигмы индейского происхождения. Помимо вышеупомянутых прошений формальной смены фамилии встречаются случаи, когда майя идут добровольцами сознательно, записываясь под испанской фамилией. Так, Состенес Цуль записался в 6-ю роту столичного батальона гвардии под фамилией Эстрелья [32, f. s/n], а Франсиско Печ, рядовой 3-го батальона, значился в списках как Перес, хотя командиры знали о его майяском происхождении и настоящей фамилии [33, f. s/n].

Индейцы заявляли, что «с радостью» являлись к командирам муниципальных соединений с просьбой зачислить их в свои ряды и были готовы взять оружие против «восставших варваров своей расы», как писал житель Машкану Дамасо Цуль в своем прошении о демобилизации [34, f. s/n]. При этом майя четко осознавали, что они не были обязаны нести военную службу. Неоднократно встречается оборот «...не будучи обязанным по закону...». Это же периодически используются в качестве аргумента в пользу демобилизации членами «отборочных» (военно-учетных) советов муниципалитетов, рекомендовавших губернатору демобилизовать просителя или перевести его в муниципальное подразделение идальго [35, f. s/n].

Обращает на себя тот факт, что, несмотря на добровольность и законное освобождение майя от военной службы в первые годы Войны Каст, в 1848—1850 гг. правительство не спешило удовлетворять прошения о демобилизации. Ни одно из прошений не было удовлетворено на основании индейского происхождения просителя. Демобилизации могли добиться только те, кто мог подтвердить свою негодность к службе по состоянию здоровья, желательно с приведением перечня ранений и болезней, полученных на службе, или те, кто дожил на службе до предельного возраста в 55 лет. Именно к последним относился уже упомянутый Дамасо Цуль, настоящий ветеран юкатанского ополчения, начавший военную службу еще в 1822 г. Однако со второй половины 1850 г., когда война уже зашла в позиционный тупик, наблюдаются изменения в решениях по демобилизации. Тех майя, что по разным причинам просили уволить их с военной службы, начали переводить в подразделения идальго, относящиеся к их муниципалитету [36, f. s/n]. Таким образом, эти майя оставались в составе вспомогательных подразделений, хотя и держались, как правило, в стороне от боев и не имели доступа к огнестрельному оружию.

Хотя вопрос индейцев-идальго не имеет прямого отношения к теме данной статьи, представляется необходимым отметить двойственность этого концепта. Выдача титулов идальго, инициированная декретом от января 1848 г., не всегда предполагала то, что носитель титула переводился во вспомогательное подразделение. Есть примеры массовой выдачи этого титула тем майя, что вступали в критические моменты восстания в правительственные подразделения по просьбе их командиров, как это произошло с семью индейскими добровольцами из Болончентикюля, которые в июле 1849 г. пришли на помощь находившемуся там подразделению 6-го батальона гвардии и участвовали в обороне своего поселения от атаки повстанцев [37, f. s/n]. По всей видимости, эти майя, уже имевшие титул идальго,

продолжали нести службу в рядах того подразделения, в которое они ранее попали добровольцами.

Представляется возможным предложить два взгляда на принятие индейцев майя в ряды национальной гвардии. Первый — с точки зрения государства, которое, вероятно, воспринимало зачисление майя на военную службу в «час нужды» как способ интеграции индейского населения. То, что майя разделяли со своими соседями европейского и смешанного происхождения трудности и опасности военной службы и сражались против общего врага, могло способствовать возникновению ощущения единства и солидарности. Отсюда — попытки привести в пример поведение тех майя, которые поступали на военную службу, иногда совершая символический жест смены индейской фамилии на испанскую.

Второй — это взгляд самих майя. С одной стороны, не представляется возможным полностью опровергнуть искренность изложенных ими самими мотивов в прошениях, повествующих о ратных подвигах авторов в стиле, очень похожем на *probanzas de méritos* — документы старого типа, в которых проситель обращался к королю за привилегиями или почестями, предвзяв просьбу перечислением своих заслуг. Кроме того, факт военной службы как основание для пенсии или иного пожалования со стороны правительства соответствует уже либеральной идее «гражданина-солдата», согласно которой защита родины является обязанностью каждого. Наконец, служба в вооруженных силах в какой-то мере освобождала майя от стигмы индейского происхождения, ассоциированного с «восстанием варваров», вспыхнувшим на юго-востоке полуострова.

С другой стороны, даже при наличии чувств солидарности с сослуживцами и ненависти к общему врагу непосредственно в момент добровольного поступления на службу явственно видны другие мотивы майя: декларируемая идентификация с интересами государства подкрепляется реальной необходимостью защиты своего дома и семьи от врага, т.е. личными семейными и материальными интересами, что вписывается в упомянутый выше концепт Б.Фергюсона. Необходимость защитить себя и близких в момент опасности привела к возникновению определенной идентичности, прежде всего локальной, которая затем распространялась на все коллективы, в которых действовал конкретный индеец майя, и, в конечном счете, на все население Юкатана, оказавшееся под угрозой из-за восстания 1847 г. Не последнюю роль в мотивации майя могла играть также перспектива повышения своего социального статуса и доступ к материальным ресурсам, например, через раздел военных трофеев.

Безразличие общества и законодателей к майяским ополченцам, проявившееся в последующие годы, может быть объяснено тем, что по мере восстановления контроля над «цивилизованной» частью штата Юкатан, мобилизации европейского и метисного населения и радикального сокращения численности сил, задействованных уже не столько в подавлении, сколько в сдерживании восстания, верные правительству индейцы уже не являлись столь важным мобилизационным источником. Сохранить традиционную роль индейца в юкатанском обществе — роль сельскохозяй-

ственного работника и налогоплательщика — для правительства, испытывавшего вечные финансовые проблемы, было важнее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Baqueiro S. Ensayo histórico de las revoluciones de Yucatán desde el año 1840 hasta 1864. Mérida, Imprenta de Manuel Heredia Arguelles, 1878, t. I, 604 p., t. II, 581 p.
2. Ancona E. Historia de Yucatán desde la época más remota hasta nuestros días. Mérida, Imprenta de Manuel Heredia Arguelles, 1880, t. IV, 416 p.
3. Berzunza Pinto R., Guerra social en Yucatán. México, Costa-Amic, 1965, 207 p.
4. Bartolomé M.A. La dinámica social de los mayas de Yucatán, pasado y presente de la situación colonial. México, Instituto Nacional Indigenista, 1988, 342 p.
5. Reed N. The Caste War of Yucatan. Stanford, Stanford University Press, 2001, 452 p.
6. Gabbert W. Of Friend and Foes: The Caste War and Ethnicity in Yucatan. *The Journal of Latin American Anthropology*. Arlington, 2004, vol. 9(1), pp. 90-118.
7. Matthew L.E., Oudijk M.R. (ed.). Indian Conquistadors: Indigenous Allies in the Conquest of Mesoamerica. Norman, University of Oklahoma Press, 2007, 349 p.
8. Rodríguez Galicia O. Pardos en Campeche. Su inserción social y militar durante la época de reformas borbónicas. *Afrodescendientes en México y nuestra América: reconocimiento jurídico, racismo, historia y cultura*. México, Universidad Nacional Autónoma de México, 2018, pp. 127-145.
9. Gabbert W. Violence and the Caste War of Yucatan. Cambridge, Cambridge University Press, 2019, 346 p.
10. Dumond D.E. El machete y la cruz. La sublevación de los campesinos en Yucatán. México, Universidad Nacional Autónoma de México, 2005, 681 p.
11. Ferguson B. Ten Points of War. *An Anthropology of War: Views from the Frontline*. New York, Berghahn Books, 2009, pp. 32-50.
12. Colección de leyes, decretos y órdenes. Tomo III. Mérida, Rafael Pedrera, 1850, 667 p.
13. Ley orgánica de la guardia nacional. México, Ignacio Cumplido, 1848, 20 p.
14. Colección de leyes, decretos, órdenes y demás disposiciones de tendencia general, expedidas por el poder legislativo del estado de Yucatán. Tomo I. Mérida, El eco de comercio, 1882, 508 pp.
15. Bojórquez Palma G.X. Barbarie. Periódicos y lectores durante la guerra de castas de Yucatán. Madrid, Letrame editorial, 2022, 200 p.
16. La Revista Yucateca. Tomo I. Mérida, 1847. Available at: <https://hndm.iib.unam.mx/consulta/publicacion/visualizar/558075bf7d1e63c9fea1a42a> (accessed 18.07.2024).
17. Boletín oficial del gobierno de Yucatán. 23.05.1848. Available at: <https://hndm.iib.unam.mx/consulta/publicacion/visualizar/558075be7d1e63c9fea1a3d3> (accessed 18.07.2024).
18. Boletín oficial del gobierno de Yucatán. N9, 24.05.1848. Available at: <https://hndm.iib.unam.mx/consulta/publicacion/visualizar/558075be7d1e63c9fea1a3d3> (accessed 23.07.2024).
19. Boletín oficial del gobierno de Yucatán. N12. 27.05.1848. Available at: <https://hndm.iib.unam.mx/consulta/publicacion/visualizar/558075be7d1e63c9fea1a3d3?pagina=558a38247d1ed64f16e21bca&palabras=2-000&coleccion=> (accessed 23.06.2024).
20. Archivo general de la nación. Caja 0718 (356 Sin Sección). 51043-11. Expediente 10. 1848. Yucatán. Relaciones de los estados. Tranquilidad pública.
21. Boletín oficial del gobierno de Yucatán. N 14. 30.05.1848. Available at: <https://hndm.iib.unam.mx/consulta/publicacion/visualizar/558075be7d1e63c9fea1a3d3?pagina=558a38247d1ed64f16e21cf1&palabras=Juan-Chi> (accessed 23.06.2024).

22. Boletín oficial del gobierno de Yucatán. Num. 28. 15.06.1848. Available at: <https://hndm.iib.unam.mx/consulta/publicacion/visualizar/558075be7d1e63c9fea1a3d3?pagina=558a38247d1ed64f16e220d6&palabras=José-Cadenas> (accessed 24.06.2024).

23. Archivo general del Estado de Yucatán (AGEY), fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de milicia local, serie: milicia, caja 169, vol. 119, exp. 76. "José María García remite al comandante general del estado la lista nominal de los que han sido reclutados para el servicio de las armas".

24. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de milicia local, serie: milicia, caja 167, vol. 117, exp. 53. "Solicitud de esposas, viudas, hijos o familiares para que se otorgue la pensión correspondiente por fallecimiento de soldados en batalla".

25. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Tesorería general del estado, serie: Hacienda, caja 133, vol. 83, exp. 68. "Abono a sueldos del mes de septiembre de los batallones 1º y 18 de la guardia nacional".

26. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Secretaría general del gobierno, serie: milicia, caja 166, vol. 116, exp. 11. "Francisco Martínez de Arredondo se dirige al comandante principal del distrito, y al subinspector de milicia local respecto a pensiones otorgadas; despachos de oficiales concedidos; exenciones denegadas del servicio de armas, etc."

27. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de milicia local, serie: milicia, caja 170, vol. 120, exp. 49. "Propuestas de ascensos, elaborados por Primo Pacheco relativas a comandantes primeros capitanes segundos, y subalternos de las compañías de hidalgos de Hocaba".

28. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de milicia local, serie: milicia, caja 167, vol. 117, exp. 55. "Solicitud del C. Marcelino Dzúl para que se le otorgue licencia absoluta para separarse del servicio militar".

29. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Gobierno del Estado, serie: gobernación, caja 111, vol. 61, exp. 50. "Comunicados de Francisco Martínez de Arredondo al Comandante general acerca de: pago que debe hacerse a D. T.B. Avet; remate de las milpas de los sublevados; licencia solicitada por el cirujano de la división de Hopelchen y solicitud de María Jesús Herrera que se libere del servicio de las armas a un sirviente suyo".

30. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Junta calificadora de Yaxcaba, serie: milicia, caja 171, vol. 121, exp. 25. "Pascual Espejo envía al secretario general de gobierno solicitudes de excepción de servicio de armas".

31. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de milicia local, serie: milicia, caja 172, vol. 122, exp. 15. "Solicitud de Candelario Balam para que se le exonere de la carrera de las armas por estar quedando ciego".

32. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de la guardia nacional, serie: milicia, caja 168, vol. 118, exp. 44. "Solicitud de don Marcelo Dzúl para que a su hijo Sostenes Dzúl se le de baja en la guardia nacional".

33. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Batallón de la guardia nacional, serie: milicia, caja 171, vol. 121, exp. 14. "Solicitudes militares relativas a pensiones por lesiones, muerte e inutilidad del cabo Hipólito Pérez, soldado Florentino Medina; sargento Rafael Suaste".

34. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Junta calificadora de Maxcanú, serie: milicia, caja 171, vol. 121, exp. 58. "Gerónimo Flota, Carlos Martín y Dámaso Dzúl solicitan a la junta los apoye ante el gobernador Barbachano para que les libre licencia absoluta."

35. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Gobierno del estado, serie: milicia, caja 172, vol. 122, exp. 46. "Hermenegildo Burgos, Tomas Canche, etc. soldados del batallón de guardia nacional solicitan al gobernador Barbachano les otorgue licencia absoluta del servicio de armas".

36. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Gobierno del estado, serie: milicia, caja 172, vol. 122, exp. 42. "Santiago Gamboa, Pedro Nolasco, Jose Inocente Ku y Basilio Santos soldados del batallón de guardia nacional solicitan al gobernador Barbachano su licencia absoluta del servicio de armas".

37. AGEY, fondo: Poder Ejecutivo, sección: Comandancia militar de Yucatán, serie: milicia, caja 169, vol. 119, exp. 24. “Relación de los indígenas de Bolonchenticul que considero acreedores de que se les libre sus credenciales de hidalgos”.

Ivan N. Kosichenko (kosichenko.i@rggu.ru)

Cand. of Sci. (History), assistant professor, Centre for Mesoamerican Studies “Yuri Knorosov”, Faculty of History, Russian State University for the Humanities

Miusskaya sq. 6, 125047 Moscow, Russian Federation

This publication was financed by State Contract of Ministry of Education and Science of Russia, project N075-00870-23-00 “Historical dynamic of traditional cultures in transitional epochs: ethno-semiotic particularities of transition a mechanisms of translation of knowledge”.

The Maya volunteers in the National Guard of Yucatan (1847—1851)

Abstract. The historiography of the Caste War of Yucatan (1847–1901) generally perceives it as an ethnic or racial conflict between the “white” and the “Maya indian”. However, under this superficial historiographical or journalistic discourse of binary opposition lies a complex and perplexing picture of human resource policies of states’ armed forces. Consequently this article deals with a question of motives of ethnic Mayas’ volunteering into the state army and it’s perception by the “white” Yucatec society in the most tragic epoch of that war.

Key words: Mexico, Yucatan, the Maya, the Caste War, history of war, identity.

DOI: 10.31857/S0044748X25020078

Received 25.07.2024.